

сценарий и режиссура, на которой произрастает то, что ты делаешь.

СКН: Ваши «золотые слитки» – это...

М.Г.: ...конечно, «Монолог». Конечно, «На войне как на войне». Конечно, «Тихий Дон», «Почти смешная история», «Последняя жертва». Туда же Динара Асанова с «Никудышной». И я бы, наверное, ещё раз снимался у Динары Асановой. Просто не было работы. А иначе она наверняка бы меня взяла, как это произошло с Ильей Авербахом – тоже счастье моей души – когда почти через 10 лет после «Монолога» он пригласил меня в свою последнюю картину «Голос». Там был не очень большой эпизод – фронтовик, у которого героиня Натальи Сайко берет интервью. «Наверное, не возьмётесь за такую работу? Там делать-то нечего», – спросил у меня Илья Александрович. Но я готов взяться и за такую работу. И взялся. И по сей день, хотя дело, так сказать, «к ночи», не чураюсь размером роли. В 1997 году я получил «Нику», которой невероятно горжусь, за роль второго плана в картине «Мужчина для молодой женщины».

Размер роли не является для меня определяющим началом, и серьёз моего отношения к работе вне зависимости от ее объема однозначен. Это все – часть замысла, в котором принимаешь участие, и когда, допустим, мне говорят, что я хорошо сыграл ту или иную роль, а сама картина так себе, для меня это не похвала. Ну, что же радоваться: сам хорошо сыграл, а картина не получилась. Поэтому удачные для меня те картины, где сложилось все. Скажем, «Премия», которую снял Сергей Микаэлян. Но кто сейчас поймет эту картину? Ибо «Премия» – это время, когда рабочий человек вдруг на весь огромный строительный трест, на партбюро заявил: «Мы неправильно работали. За что мы получили премию?» Казалось бы, фантазия. Но Александр Гельман как драматург кое-что все-таки понимал, когда писал это произведение! Так и должно быть! А сейчас всё это звучит как архаизм. Другая жизнь...

СКН: Внимание к любой эпизодической роли свидетельствует прежде всего о Вашем уважении к человеку вне зависимости от его социального положения.

М.Г.: Да, конечно.

СКН: Но в широком масштабе оно стирается, не так ли?

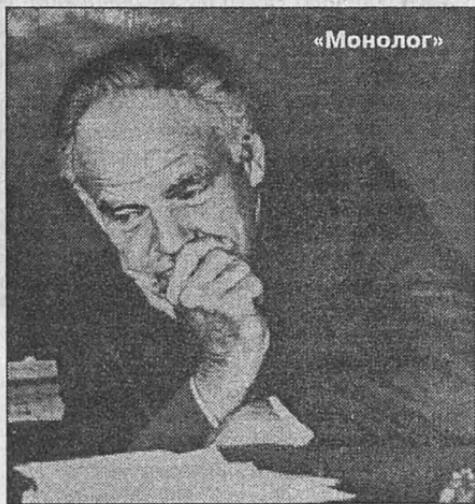

М.Г.: Может быть. Не берусь говорить за всех. У меня выработалась такая установка: есть правда того человека, от имени которого я, как актер, выступаю. А если такой человек, как есаул Калмыков? Дивлюсь все время: как могли выпустить в конце 50-х гг. на экран того, кто кричал: «Вы не партия. Вы банда гнусных подонков общества. Вами руководит немецкий генеральный штаб. Ленин ваш – каторжанин». Это я говорю. Это была моя правда. Хотя Калмыков тоже не безгрешен. Вот Фокич в этом смысле – такой же Калмыков, только «с другой стороны». Он тоже так рассуждал: «Вот тех, кто на той стороне, надо под пулемет, в одну яму, всех перемешать!» Недаром комиссар Евстрюков говорит ему: «Уж очень ты кровящущу любишь» – «А как же, без крови нельзя!» Вот, смотрите, что было в том, «старом» кино! Но опять же, это не было поводом выносить на экран то, что выносятся сейчас нашими кинематографистами. Очень хвалят, предположим, картину «Брат 2». А у меня она вызывает возмущение. На протяжении всего действия человек убивает, убивает, убивает. Могут упрекнуть, что это – разговоры старого человека. Что ж...

По приезде Евгения Иосифовича Габриловича и Ильи Александровича Авербаха с «Монологом» на Каннский фестиваль была пресс-конференция. На Западе это был как раз период сексуальной революции. Беспредельное откровение – любуйтесь, все покажем! А в основе нашей картины – трагедия

девушки, соблазненной и влюбившейся в более взрослого человека, и драма деда, который не знает, как и чем помочь своей внучке. И вот Габриловичу и Авербаху посыпались вопросы: «А где и как это произошло?» Именно где и как. На что Евгений Иосифович ответил: «Существует тайна двух людей, мужчины и женщины, это – то сокровенное, что принадлежит только им, и прикасаться к этой теме надо очень деликатно, и если рассказывать об этом, то не переходя ту грань...». Его слушали какое-то время. Потом встал молодой журналист: «У меня вопрос к мсье Габриловичу. Сколько вам лет?» – «Семьдесят два» – «Вопросов больше нет». Потом Габрилович, по рассказам Авербаха, буквально плакал: «Засранцы! Что же это такое получается?!». Вот что такое время.

СКН: Чем Вам памятен эпизод в юдинской «Девушке с характером»?

М.Г.: Это одна из моих первых работ со словами, которая осталась на экране. Кроме того, в этой картине я встретился с Борисом Шлихтингом (диверсант, которого я вместе с героиней Валентины Серовой задерживаю на переправе), очень много снимавшимся в немом кино, а теперь, пожалуй, его никто и не вспомнит. Он был мне невероятно симпатичен.

СКН: Кого ещё из своих старших коллег вспоминаете с благодарностью?

М.Г.: Почти всех. Вот Андрей Андреевич Файт. Он тоже пришел из немого кино. И очень много потом снимался и в звуковом. Файт был похож на англичанина, сухопарый, горбоносый, с острым, как у Шлихтинга, взглядом. Всю жизнь ему пришлось играть роли сугубо отрицательные. Скажем, у Ромма в «Пышке» и «Тринадцати». И вдруг под самый конец жизни – роль гончара-крестьянина, кажется, картина называлась «Гончарный круг». Наконец он сыграл нормального, хорошего человека, не поджигающего, не убивающего, не совершающего никаких диверсий... Судьба Андрея Андреевича Файта послужила для меня очень важным примером. Вернее, дала повод насторожиться: можешь превратиться в актёра только на ту роль, которую диктует твоя внешность.

СКН: Сегодня многие пишут мемуары. А Вы?

М.Г.: Нет, ничего не пишу. Мне кажется, мемуары – это все-таки то, что после нас... В 1947 году в «Повести о «Неистовом» я сыграл моряка-акустика, старшину II статьи Тарапету – пожалуй, это моя первая роль как таковая: большая по объему, с фамилией в титрах. На том же эсминце плыл писатель – старлей Добродеев (его сыграл мой сокурсник Алексей Алексеев). Ну, и мой матрос обратился к нему с одной чудной фразой, которую помню до сих пор: «А вы пишете, извиняюсь, из жизни или из фактов?» – «Стараясь придерживаться фактов». – «Жаль, вот из моей жизни можно было бы такую книгу написать!» И из моей жизни можно было бы написать книгу. Избави Бог, я никогда не хвалился и не хвалюсь своими заслугами. Считаю, что я – актер второго плана. Но – хороший актер. И могу быть – и первого. В свое время меня выдвигали и по этой номинации – Лука в картине «Без солнца» Юлия Карасика. Но в том же списке было и «Покояние»...

СКН: А что сейчас, по Вашему мнению, происходит в нашем обществе?

М.Г.: Самопожирательное становление. По-моему, мы по-прежнему на перепутье. Сейчас, правда, ухватились за Бога, не веря по-настоящему. Верить надо. Я верю в то, что нас защищает и дает нам возможность жить профессия, которую мы выбираем.

Елена КОНСТАНТИНОВА